

Парадокс империализма

Ханс-Херман Хоппе

О государстве

Традиционно, государство определяется как организация с двумя уникальными признаками. Во-первых, это обязательный территориальный монополист, принимающий окончательные (юрисдикционные) решения. То есть оно является высшим арбитром в любом конфликте, включая конфликты со своим участием. Во-вторых, это территориальный монополист налогообложения. То есть, это организация, устанавливающая в одностороннем порядке цену, которую граждане обязаны платить за предоставляемые им закон и порядок.

Вполне ожидаемо, что если у кого-либо есть возможность лишь взывать к государству, требуя справедливости, справедливость будет извращена в пользу государства. Вместо того чтобы урегулировать конфликт, монополист окончательного решения будет провоцировать этот конфликт – с тем, чтобы урегулировать его в своих собственных интересах. Хуже того, в то время

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society. Статья основана на вступительной речи «The Origin and Nature of International Conflict»

Перевода: Politinform

Редактор перевода: Андрей Шевцов

как качество правосудия под эгидой монополизма будет падать, цена его будет расти. Цель государственных органов, мотивируемых теми же интересами, что и все, но обладающих властью облагать налогами, всегда одна: максимально увеличить доход и свести до минимума трудозатраты.

Государство, война и империализм

Однако, вместо того, чтобы концентрироваться на внутренних последствиях учреждения государства, я сосредоточусь на внешних последствиях, т.е. на внешней, а не внутренней политике.

Например, как орган, извращающий справедливость и вводящий налоги, каждое государство находится под угрозой «исхода». В частности, наиболее продуктивные его граждане могут сбежать от налогообложения и извращений закона. Ни одно государство не любит этого. Напротив, вместо того, чтобы пересмотреть размер налоговой базы и снизить налоги, государственные органы предпочтут расширить их. Но это приводит их к конфликту с другими государствами. Однако, в отличие от конкуренции между обычными людьми и учреждениями, конкуренция между государствами носит элиминативный характер. То есть в той или иной области может быть только один монополист, принимающий решения и облагающий налогами в этой области. Следовательно, конкуренция между различными государствами способствует тенденции политической централизации и, в конечном итоге, образованию единого мирового государства.

Далее, как финансируемые налогами монополисты принятия окончательного решения, государства по своей природе — агрессивные институты. В то время как «обычные» люди и учреждения должны оплачивать цену своего агрессивного поведения самостоятельно (что может побудить их воздерживаться от такого поведения), государства могут переносить эту цену на своих налогоплательщиков. Следовательно, государственные органы склонны быть провокаторами и агрессорами, и можно ожидать, что процесс централизации будет осуществляться посредством яростных столкновений, а именно межгосударствен-

НЫХ ВОЙН.

Более того, учитывая, что в качестве отправной точки мира, состоящего из большого числа независимых территориальных единиц, государство должно быть изначально маленьким и заносчивым, что-то довольно специфичное должно быть заявлено относительно потребности процветания.

Победа или поражение в межгосударственной войне зависит, конечно, от многих факторов, кроме таких вещей, как равенство численности населения. В долгосрочной перспективе решающим фактором является относительное количество имеющихся в распоряжении государства экономических ресурсов. Налогообложением и регулированием экономики государства не способствуют созданию экономического процветания. Вместо этого они паразитируют на существующем благосостоянии. Однако правительства могут влиять на количество существующего благосостояния отрицательно. При прочих равных условиях, чем меньшее бремя налогов и правил налагается на отечественную экономику, тем выше будет тенденция прироста населения, и тем большим будет объем произведённого внутри страны богатства, которое государство сможет привлечь в своих конфликтах с соседними конкурентами. То есть, государства, сравнительно мало облагающие налогами и меньше регулирующие собственную экономику – либеральные государства – имеют тенденцию побеждать и расширять свои территории или диапазон своего господства за счёт менее либеральных.

Это объясняет, например, почему Западная Европа пришла к доминированию над остальной частью мира скорее, чем другие. Точнее говоря, это объясняет, почему сначала была Голландия, затем Британия и, наконец, в 20-м веке США, ставшая доминирующей империалистической державой; а также почему США, внутренне одно из самых либеральных государств, проводили наиболее агрессивную внешнюю политику, в то время как бывший Советский Союз, например, с его полностью нелиберальной (репрессивной) внутренней политикой, проводил относительно мирную и осторожную внешнюю политику. Соединённые Штаты знали, что они могут в военном отношении победить любое государство, поэтому и были агрессивными. В противоположность этому, Советский Союз знал, что он обречён на поражение с любым достаточно крупным государством, если будет не в состоянии победить за несколько дней или недель.

От монархии и войн армий к демократии и тотальной войне

Исторически большинство государств были монархиями, во главе которых стояли абсолютные или конституционные короли или князья. Было бы интересно задаться этим вопросом, но в данный момент я вынужден оставить его в стороне. Достаточно сказать, что демократические государства (включая так называемые парламентские монархии), возглавляемые президентами или премьер-министрами, до Французской революции были достаточно редки, а мировое историческое значение приобрели только после Первой Мировой войны.

Хотя и предполагается, что все государства склонны к агрессии, структура экономического стимулирования применительно к традиционным королями, с одной стороны, и современным президентам, с другой, достаточно различна, что служит причиной различия типов войн. Если короли считали себя частным владельцем подконтрольной территории, то президенты рассматривают себя в виде временных *опекунов*. Владелец природных богатств озабочен извлечением текущих доходов из этих богатств и заключённым в них основным капиталом (как отражением будущих доходов). Его интересы основываются на долгосрочной перспективе, с заботой о сохранении и преумножении заключённого в «его» стране капитала. В противоположность этому, *опекун* ресурсов (рассматриваемых скорее как общественная, нежели частная собственность) прежде всего озадачен своими текущими доходами, а стоимости основного капитала уделяет мало внимания.

Эмпирический вывод из этой разницы структур экономического стимулирования состоит в том, что по сравнению с демократическими, монархические войны имеют тенденцию быть «умеренными» и «консервативными».

Монархические войны обычно проистекали из споров престолонаследования, привносимых сложной системой междинастических браков. Отличительным признаком таких войн были ощутимые территориальные претензии. Это не были идеологически мотивированные раздоры. Общество считало войну частным делом короля, финансируемым и ведущимся за его собственные деньги его собственными вооружёнными силами. Кроме того, поскольку это были конфликты между различны-

Кроме того, поскольку это были конфликты между различными правящими семьями, короли чувствовали себя обязанными признавать чёткое различие между воинами и гражданскими, и нацеливали свои военные усилия исключительно друг против друга и своих родовых владений. Военный историк Майкл Говард описывал приёмы ведения монархических войн в 18-м веке следующим образом:

«На [европейском] континенте торговля, путешествия, культурное и научное общение в военное время продолжались почти беспрепятственно. Эти войны были войнами королей. Роль хорошего гражданина заключалась в уплате налогов, а здравый смысл политической экономии гласил, что его необходимо оставить в покое, чтобы он продолжал зарабатывать деньги, из которых выплачивал эти налоги. От него не требовалось принимать участие ни в принятии решения, из-за которого начиналась война, ни в самой войне, когда она вспыхивала, если только его не побуждал к этому юношеский дух приключений. Эти вопросы относились к разряду тайных, касающихся только государя».

Майкл Ховард, Война в европейской истории, стр. 73

Подобным образом описывал войны армий и Людвиг фон Мизес:

«В войнах армий, сражается армия, в то время как граждане, не состоящие в армии, продолжают обычную жизнь. Граждане оплачивают затраты на ведение войны, они платят за обслуживание и оснащение армии; во всём остальном они остаются вне военных действий. Может случиться так, что война разрушит их дома, опустошит их землю и уничтожит другую их собственность, но это также является частью военных затрат, которые они должны перенести. Может также случиться, что они будут ограблены или случайно убиты солдатами – возможно даже из «собственной» армии. Но это события, как таковые, не присущи приёмам ведения войны, они скорее препятствуют, чем помогают действиям командующих армиями и не допускаются, если это командование полностью контролирует войска. Воюющие государства, формирующие, снаряжающие и содержащие армию, считают мародёрство преступлением. Армия была нанята, чтобы воевать, а не заниматься грабежом.

Государство хочет поддерживать гражданскую жизнь в нормальном русле, потому что нуждается в сохранении способности граждан платить налоги. Чтобы обслуживать военные потребности, система рыночной экономики должна поддерживаться на протяжении всей войны».

Людвиг фон Мизес, *Nationalökonomie*, стр. 725–26

В отличие от старорежимных ограниченных войн, эра демократической войны – начавшаяся с Французской революции и наполеоновских войн, продолжившаяся американской Войной Севера и Юга, и достигшая своего апогея в 20-м веке во времена Первой и Второй мировых войн – стала эрой тотальной войны.

Стерев грани между правителями и управляемыми («мы все сами правим»), демократия упрочила отождествление общества с отдельным государством. В отличие от династических имущественных споров, которые могли быть разрешены посредством завоевания и оккупации, демократические войны превратились в идеологические баталии: столкновения цивилизаций, которые могут быть разрешены лишь культурным, лингвистическим или религиозным доминированием, подчинением и, если необходимо, уничтожением. Для членов общества становилось всё труднее и труднее освободиться от личного участия в войне.

Сопrotивление повышению налогов для финансирования военных действий рассматривалось как государственная измена. Из-за того, что демократическое государство, в отличие от монархии, «находится в общем владении», воинская повинность стала скорее правилом, чем исключением. А с массовыми армиями дешёвых, и, следовательно, легкодоступных призывников, борющихся за национальные цели и идеалы, поддерживаемыми экономическими ресурсами всей нации, все различия между военными и гражданскими отошли на второй план.

Сопутствующие разрушения перестали быть непреднамеренным побочным эффектом, но стали неотъемлемой частью войны.

«Как только государство перестало расцениваться как «собственность» династических правителей, – писал Майкл Ховард, – и вместо этого стало инструментом могучих сил, специализирующихся на таких абстрактных понятиях как Свобода, или

Национальность, или Революция, позволивших большому числу людей видеть в государстве воплощение некоего абсолютного Добра, за которое не жалко отдать любую цену, принести любую жертву, «умеренные и нерешительные споры» эпохи рококо превратились в абсурдные анахронизмы».

Людвиг фон Мизес, *Nationalökonomie*, стр. 75–76

Похожие наблюдения были сделаны военным историком генерал-майором Джоном Фуллером:

«Влияние демократического национального духа на войну было глубоким, ... он придал войне эмоций, а следовательно, ожесточил её... национальные армии сражаются с нациями, королевские армии сражаются с себе подобными; первые, подчиняющиеся толпе – всегда безумны, вторые, подчиняющиеся королю – как правило, в здравом уме. Всё это произошло из Французской революции, давшей миру также воинскую повинность – боевое стадо; и это стадо, объединившись с финансами и коммерцией, стало новым порождением в военной области. Потому что когда сражается вся нация, для военных целей доступен весь национальный кредит».

Джон Фуллер, *Война и западная цивилизация*, стр. 26–27

А Уильям А. Ортон подытожил:

«Войны XIX века по традиции велись в известных пределах, признаваемых международным правом, по которому гражданское имущество и бизнес были вне сферы ведения боевых действий. Гражданские активы не подвергались произвольному аресту или неукоснительной конфискации; и, помимо тех территориальных и финансовых условий, которые одно государство может выставить другому, экономическая и культурная жизнь воюющих стран в целом продолжала оставаться такой же спокойной, какой и была. Практика XX века всё это изменила. Во время мировых войн бесконечные списки контрабандных товаров, в сочетании с односторонними декларациями морского торгового права, поставили всяческую коммерцию под угрозу уголовной ответственности, а любой судебный иск превращался в бесполезную трату бумаги.

Завершение первой войны было отмечено решительной и успешной попыткой ослабить экономическое восстановление основных проигравших и удержать некоторую гражданскую собственность. Вторая война стала свидетелем расширения этой практики до предела, после которого международное право на войне перестало существовать. На протяжении ряда лет правительство Германии, настолько далеко, насколько доставало её оружие, основывало политику конфискаций на расовой теории, не имевшей статуса ни в гражданском законодательстве, ни в международном праве, ни в христианской этике; а когда началась война, это нарушение международного взаимного признания прав и обычаев оказалось заразным. Англо-американское руководство, как речами, так и действиями начало крестовый поход, который не допускал ни правовых, ни территориальных ограничений в осуществлении принуждения. Концепция нейтралитета была осуждена как в теории, так и на практике. Не только вражеские активы и капиталовложения, но и активы и капиталовложения любой партии, даже в нейтральных странах, подверглись всевозможным ограничениям, какие только враждующие стороны могли на них наложить; активы и капиталовложения нейтральных стран, и их граждан, зарегистрированные на воюющих территориях или территориях, находящихся под военным контролем, подверглись воздействию практически такого же рода принуждения, как и подданные вражеских государств. Так «тотальная война» стала той разновидностью войны, от которой не могло спастись ни одно гражданское общество, при котором гражданское население не может надеяться на побег, и из которого «миролюбивые нации» извлекут очевидный урок».

Уильям Ортон, Либеральная традиция: изучение

Экскурс: доктрина демократического мира

Я доказал, как институт государства приводит к войне, почему, казалось бы, внутренне либеральные государства имеют тенденцию становиться империалистическими державами; и как дух демократии внёс свой вклад в децивилизацию методов ведения войны.

Точнее сказать, я объяснил возвышение Соединённых Шта-

тов до ранга передовой мировой империи; и, как следствие, их последующей трансформации из поначалу аристократической республики в неограниченную массовую демократию, начавшейся с Гражданской Войны, роль Соединённых Штатов, как всё более высокомерного, убеждённого в собственной правоте поджигателя войн.

Причина этих притязаний – доктрина «демократического мира», восходящая к временам Вудро Вильсона и Первой Мировой войны, возрождённая в последние годы правления Джорджа У. Буша и его неоконсервативных советников, и ставшая теперь интеллектуальным фольклором даже в либерально-либертарианских кругах. Эта теория утверждает:

Причина этих притязаний – доктрина «демократического мира», восходящая к временам Вудро Вильсона и Первой Мировой войны, возрождённая в последние годы правления Джорджа У. Буша и его неоконсервативных советников, и ставшая теперь интеллектуальным фольклором даже в либерально-либертарианских кругах. Эта теория утверждает:

- Демократии друг с другом не воюют;
- Следовательно, чтобы создать прочный мир, весь Мир необходимо сделать демократическим.

И как, в значительной степени негласное, следствие:

- Сегодня многие государства не являются демократическими и внутренне сопротивляются – демократическим – реформам;
- Следовательно, против этих государств необходимо вести войну, дабы преобразовать их в демократии и, таким образом, сотворить продолжительный мир.

У меня недостаточно терпения, чтобы полноценно критиковать эту теорию. Я только вкратце критически рассмотрю её первоначальный посыл и конечное заключение.

Во-первых: действительно ли демократии не воюют друг против друга? Поскольку до XX века в мире практически не существовало демократий, ответ нужно искать в промежутке последних ста или около этого лет. В самом деле, основной частью доказательств, приводимых в пользу этого тезиса, является то

наблюдение, что после Второй Мировой войны страны Западной Европы не воевали друг против друга. Аналогичным образом, в тот же период, в Тихоокеанском регионе Япония и Южная Корея не воевали друг против друга. Доказывает ли это наблюдение заявленное? Теоретики демократического мира считают, что да. Как «учёные», они заинтересованы в «статистических» доказательствах, и, как им кажется, существует масса «прецедентов», на которых такое доказательство можно построить: Германия не воевала против Франции, Италии, Англии и т.д.; Франция не воевала против Испании, Италии, Бельгии и т.д. Более того, существуют перестановки: Германия не нападала на Францию, как и Франция не атаковала Германию и т.д. Таким образом, у нас в руках, казалось бы, десятки подтверждений – и всё это за каких-то 60 лет – и ни одного контрпримера. Но имеем ли мы на самом деле столько подтверждающих аргументов?

Было ли это следствием того, что одни коммунистические диктатуры не хотели воевать против других коммунистических диктатур? Именно таким было бы заключение «учёных» с широтой ума теоретиков демократического мира! Но, конечно же, это умозаключение ошибочно. Ни одной войны не случилось, потому что этого не допустил Советский Союз – точно так же, как ни одной войны не произошло между Западными демократиями, потому что Соединённые Штаты не позволили этого в своих владениях. Разумеется, Советский Союз вторгся в Венгрию и Чехословакию, но точно так же поступали Соединённые Штаты в различных случаях в Центральной Америке, к примеру, в Гватемале. (Кстати: А как насчёт войн между Израилем, Палестиной и Ливаном? Не все из них демократии? Или арабские страны по определению исключаются из демократических?)

Во-вторых, как насчёт демократии, в качестве решения чего угодно, лишь бы был мир? В этом случае теоретики демократического мира предстают в ещё худшем свете. Несомненно, отсутствие исторического понимания, демонстрируемое ими, поистине пугающе. Вот только основные их изъяны:

Первое: эта теория предполагает концептуальное смешение демократии и права выбора (свободы), что можно назвать возмутительным, особенно когда это исходит из уст самозванных борцов за свободу. Основанием и краеугольным камнем права выбора является институт частной собственности; а частная – с ограниченным доступом – собственность логически несовмести-

ма с демократией — властью большинства. Демократия не имеет ничего общего со свободой. Демократия — это мягкий вариант коммунизма, и редко в истории идей она воспринималась как-то иначе. Кстати, до внезапного торжества эры демократии, т.е. до начала XX века, правительственные (государственные) налоговые льготы (объединяющие все уровни управления) в западноевропейских странах составляли около 7-15% национального продукта, а во всё ещё молодых Соединённых Штатах — даже меньше. Менее 100 лет развитой власти большинства увеличили этот показатель до 50% в Европе и 40% в США.

Второе: теория демократического мира различает демократию и не демократию, упрощённо обозначаемую как диктатура, лишь по существу. Таким образом, из поля зрения исчезают не только аристократические республиканские режимы, но, что ещё более важно для моих теперешних целей, и традиционные монархии. Они приравниваются к диктатурам а-ля Ленин, Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао. На самом деле, однако, традиционные монархии имеют мало общего с диктатурами (притом, что демократии и диктатуры тесно связаны). Монархия — полу-органический результат естественного, иерархически структурированного — независимо от страны — развития общественного устройства. Короли — это главы больших семейств, кланов, племён и наций. Они обладают изрядным числом естественных, добровольно признаваемых полномочий, унаследованных и накопившихся за многие поколения. Именно в русле таких систем (и аристократических республик) первоначально появился и расцвёл либерализм. Напротив, демократии, при ближайшем рассмотрении, являются уравнительными и перераспределительными; отсюда и вышеупомянутый рост государственной мощи в XX веке. Что характерно, переход от века монархии к веку демократии, начавшийся во второй половине XIX века, стал свидетелем постоянного сокращения мощи либеральных партий и соответствующего укрепления социалистов всех мастей.

В-третьих, это следует из точки зрения теоретиков демократического мира на такие пожарница, как Первая Мировая война, которая должна рассматриваться как абсурд, по крайней мере с точки зрения ценителей свободы. Для них это была, по существу, война демократии против диктатуры; следовательно, ввиду увеличения числа демократий, это была прогрессивная, мироукрепляющая и, в конечном итоге, оправданная война.

«Демократия не имеет ничего общего со свободой. Демократия – это мягкий вариант коммунизма, и редко в истории развития идей считалось иначе».

На самом деле, дела обстоят иначе. Разумеется, предвоенные Германия и Австрия не могли считаться такими же демократичными по тому времени, как Англия, Франция и США. Но Германия и Австрия определённо не были диктатурами. Это были (последовательно выхолащиваемые) монархии и, по существу, наверное, такие же либеральные – если не более – чем их оппоненты. К примеру, в Соединённых Штатах противников войны заключали в тюрьму; немецкий язык, по существу, был запрещён, а граждане немецкого происхождения в открытую преследовались и зачастую вынуждены были менять свои имена. Ничего подобного в Австрии или Германии не происходило.

В любом случае, однако, результаты крестового похода не сделали мир безопасней, поскольку демократия стала менее либеральной, чем та, что существовала прежде (а навязанный Версальский мирный договор ускорил Вторую Мировую войну). Не только государственная власть возростала быстрее после войны, чем до неё. В частности, в демократический пост-военный период ухудшилось обращение с меньшинствами.

В недавно образованной Чехословакии, к примеру, немцы систематически подвергались жестокому обращению со стороны большинства чехов (до тех пор, пока, наконец, после Второй Мировой войны они не были изгнаны миллионами и вырезаны десятками тысяч). Ничего хотя бы отдалённо напоминающего это не происходило с чехами во времена Габсбургов. Ситуация в области отношений между немцами и южными славянами в довоенной Австрии, по сравнению с Югославией, соответственно, была схожей.

Как не было это и случайностью. Так же, как и при династии Габсбургов в Австрии, к примеру, с меньшинствами достаточно хорошо обращались в Османской империи. Однако когда в течение XIX века многонациональная Османская империя распалась и была замена полу-демократическими национальными государствами, такими как Греция, Болгария и т. п., оставшиеся оттоманские мусульмане были изгнаны или уничтожены. Аналогичным образом, после того, как в США с завоеванием Южной Конфедерации демократия триумфально победила, объ-

единённое правительство тотчас приступило к уничтожению равнинных индейцев. [Как признал Мизес](#), демократия не работает в мультикультурных обществах. Она не создаёт мир, но способствует конфликтам и потенциально склонна к геноциду.

В-четвёртых, и это находится в тесной взаимосвязи, теоретики демократического мира утверждают, что демократия представляет собой стабильное «равновесие». Наиболее ярко это было выражено Фрэнсисом Фукуямой, назвавшим новый демократический мир «Концом истории». Хотя и существует неопровержимое доказательство того, что это утверждение совершенно неверно.

Исходя из теоретических соображений: как может демократия быть стабильным «равновесием», если существует возможность ее трансформации *демократическим* путем в диктатуру, не считающуюся стабильной? Ответ: это бессмысленно!

Более того, эмпирические демократии представляют собой что угодно – но не стабильность. Как было указано, в мультикультурном обществе демократия ведёт к дискриминации, угнетению или даже высылке и истреблению меньшинств – вряд ли это мирное равновесие. А в этнически однородных обществах демократия регулярно приводит к классовым битвам, что влечёт за собой экономические кризисы, ведущие, в свою очередь, к диктатуре. Вспомним, к примеру, пост-царскую Россию, Италию после Первой Мировой, Веймарскую Германию, Испанию, Португалию, недавние Грецию, Турцию, Гватемалу, Аргентину, Чили и Пакистан.

Взаимосвязь между демократией и диктатурой – не единственная головная боль для теоретиков демократического мира; что ещё хуже – они должны признать и объяснить тот факт, что диктатуры, порождённые кризисом демократии, отнюдь не всегда хуже с классической либеральной или либертарианской точек зрения, чем то, что получилось бы вместо них в обратном случае. Можно с лёгкостью привести примеры, когда диктатуры были лучше и предпочтительней. Вспомните Италию Муссолини и Испанию Франко.

Кроме того, как можно сочетать наивную защиту демократии с тем фактом, что диктаторы, в отличие от королей, обязанных своей властью случайности рождения, зачастую являются избранниками народных масс и в этом смысле в высшей степени демократичны? Просто вспомните Ленина или Сталина, кото-

рые были, безусловно, более демократическими, чем царь Николай II; вспомните Гитлера, который был несравненно более демократическим и вообще «человеком из народа», чем кайзер Вильгельм II или император Франц Иосиф.

Тогда, согласно теоретикам демократического мира, получается что мы должны воевать против иностранных диктаторов, или королей, или демагогов, чтобы установить демократии, которые затем превратятся в (современные) диктатуры – до тех пор, пока, в конце концов, допустим, сами Соединённые Штаты не превратятся в диктатуру вследствие укрепления внутригосударственной власти из-за бесконечного «чрезвычайного положения», порождённого их зарубежными войнами.

Лучше, я смею утверждать, последовать совету Эрика фон Кюхнелт-Леддина и, вместо того чтобы стремиться сделать мир свободным для демократии, сделать его свободным *от* демократии – везде, и, что наиболее важно, в Соединённых Штатах.